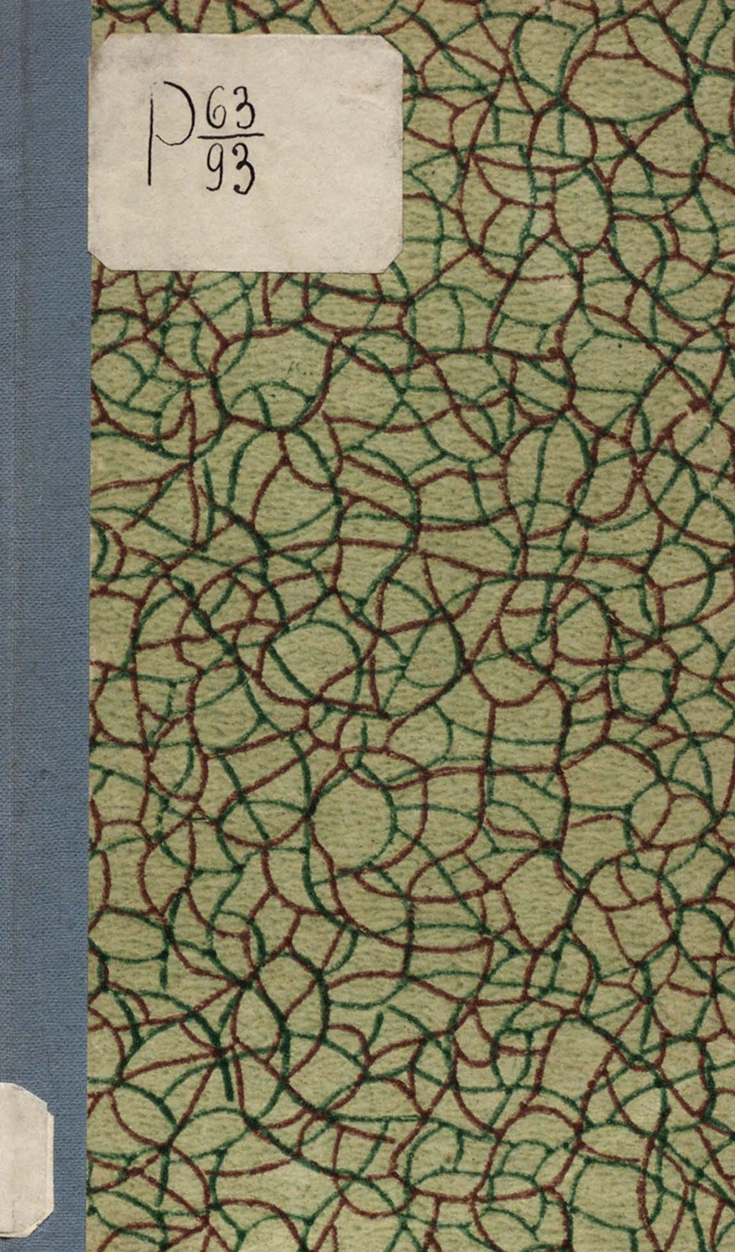
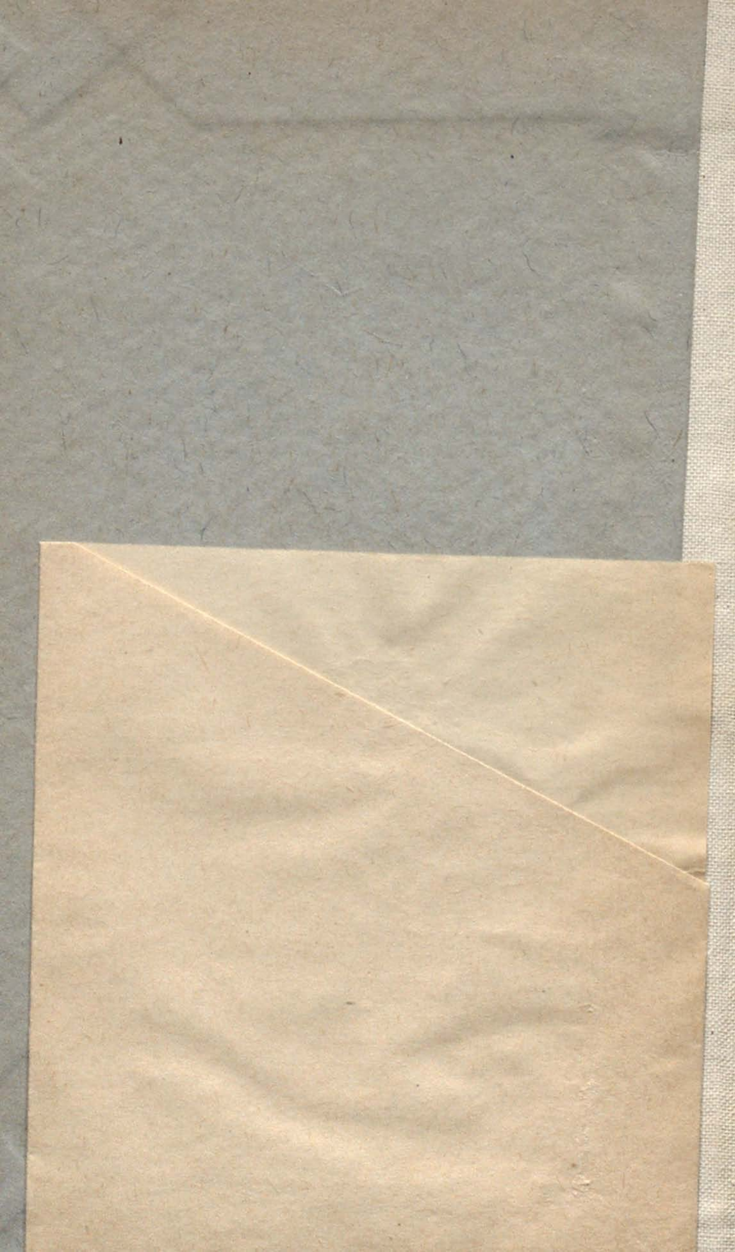
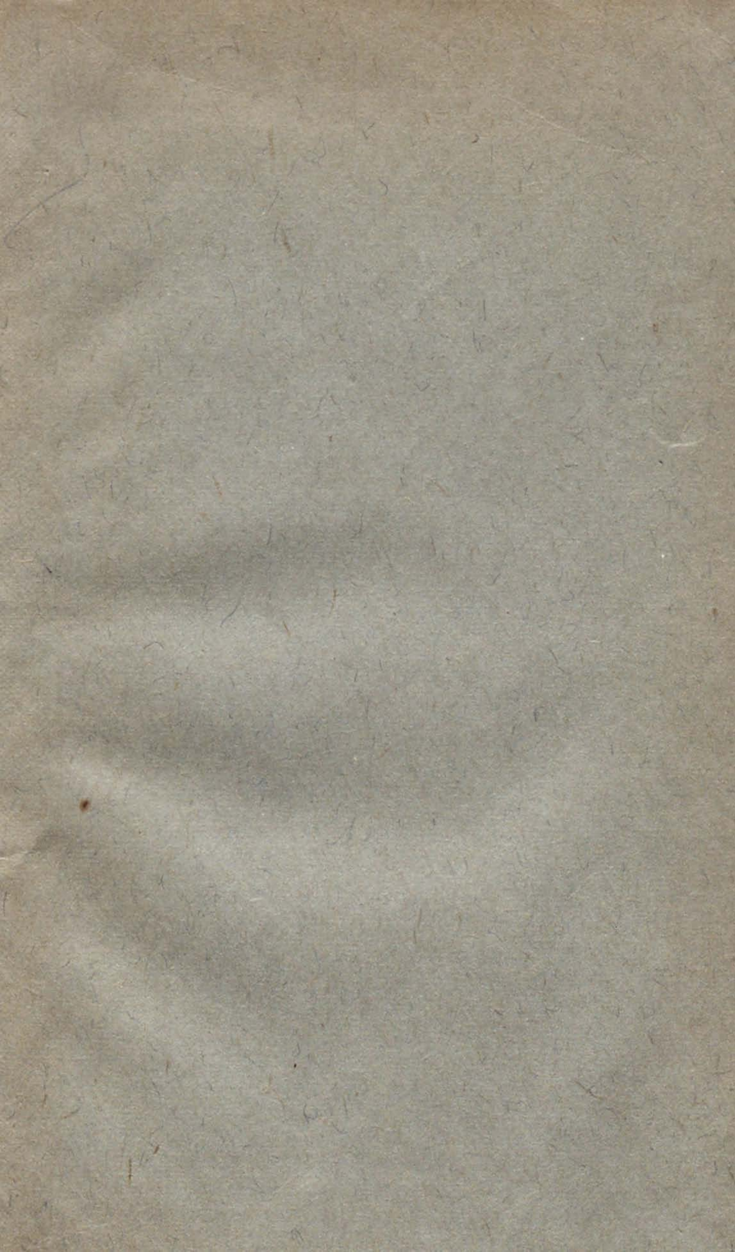
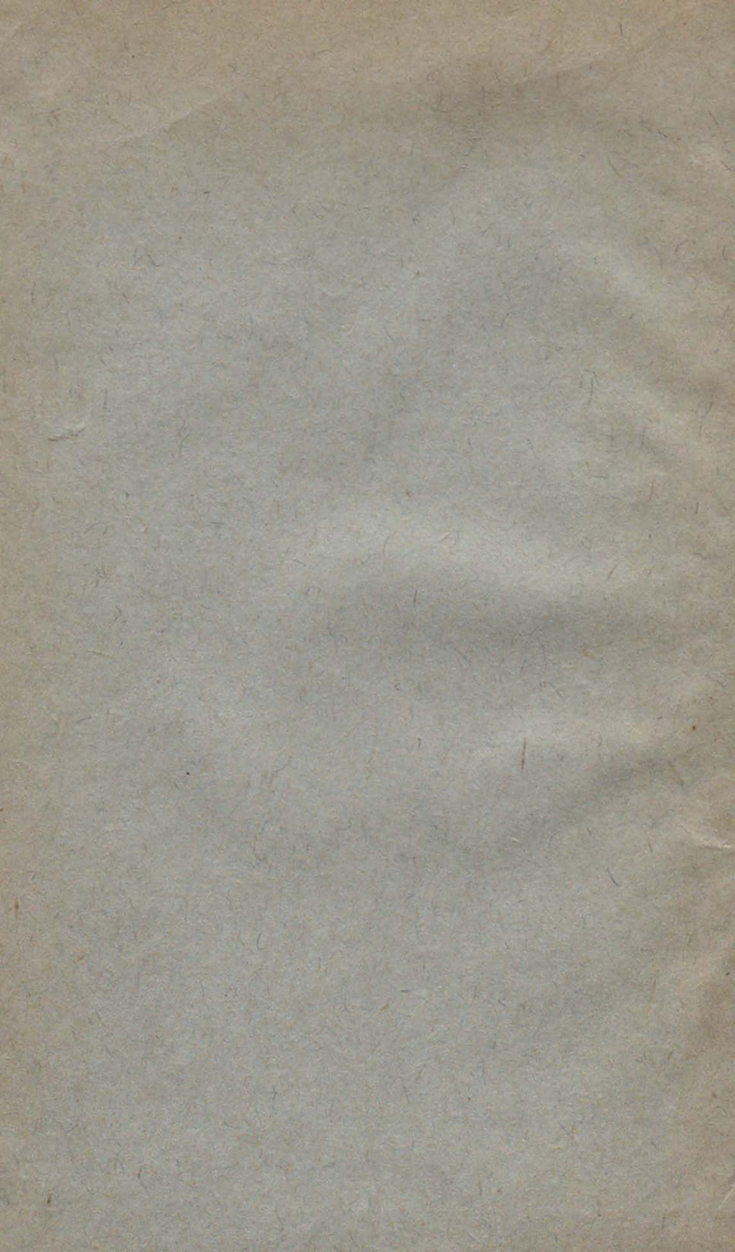

ТАЛИСМАНЪ

ШАХМАТНАЯ ЛЕГЕНДА

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ШАХМАТИСТА

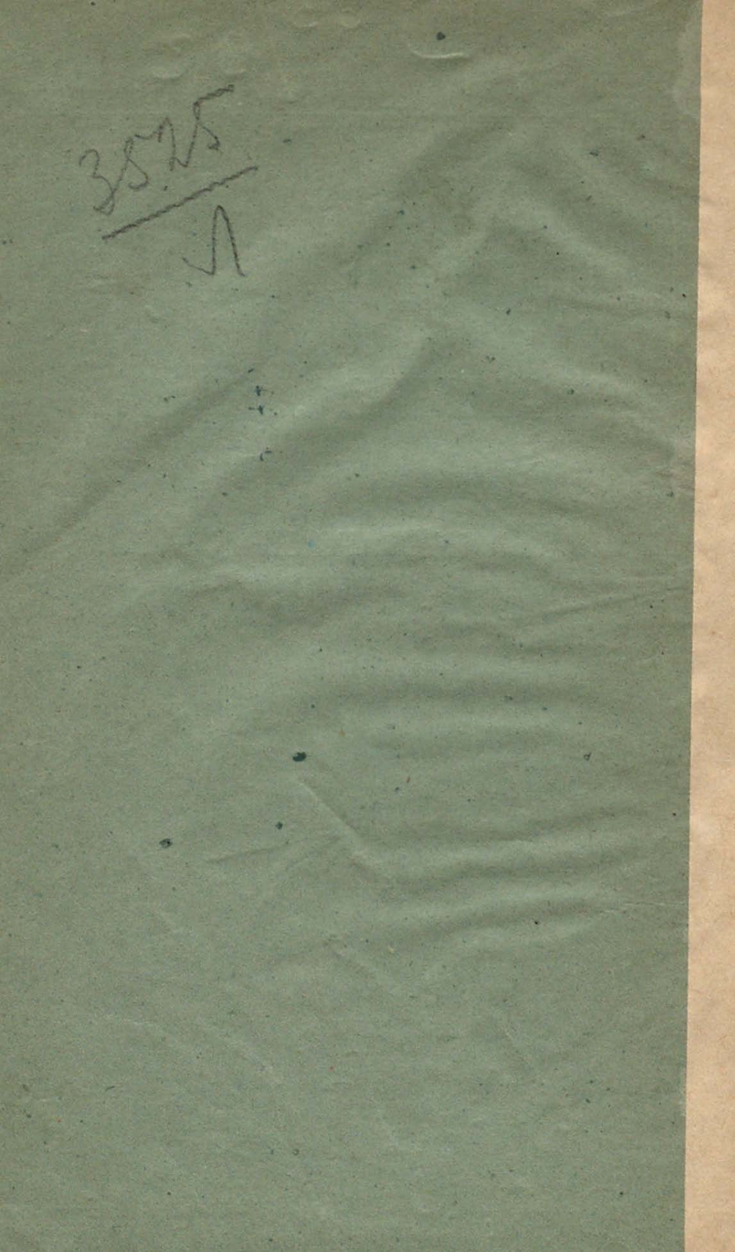
заимствованный изъ Sonntags-Blätter.

М. Г.

ВИЛЬНА.

Типографія А. Заака, Большая ул., домъ д-ра Змачинскаго.

1888.

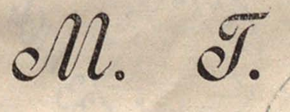

ТАЛИСМАНЪ

ШАХМАТНАЯ ЛЕГЕНДА

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ШАХМАТИСТА

заимствованный изъ Sonntags-Blätter.

М. Г.

ВИЛЬНА.

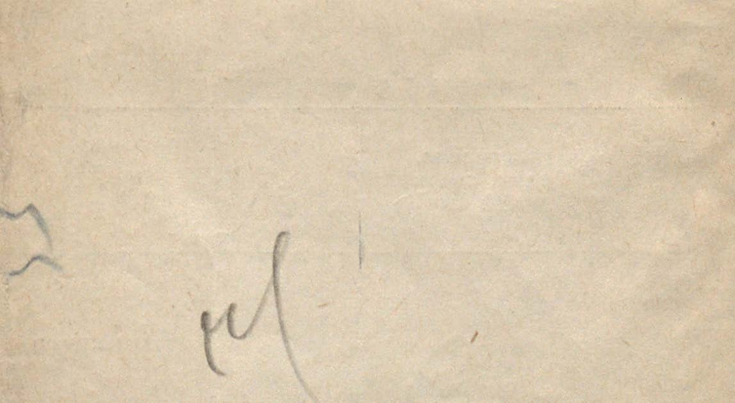
Типографія А. Заака, Большая улица, домъ д-ра Змачинскаго.

1888

Дозволено цензурою 30 Января 1888 года.—Вильна.

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№ списка и порядковый
2						Л	1952 г. 6 96/417

1Г/1—100000

ТАЛИСМАНЪ

ШАХМАТНАЯ ЛЕГЕНДА

РАЗСКАЗЪ РУССКАГО ШАХМАТИСТА

заимствованный изъ „Sonntags-Blätter."

Дѣдъ мой со стороны отца былъ страстный поклонникъ 64 полей и слылъ въ городѣ за сильнѣйшаго шахматнаго игрока; съ ранняго утра, особенно въ праздники, онъ отдавался изученію этой игры. Я не зналъ еще азбучныхъ складовъ, когда онъ началъ разъяснять мнѣ значеніе различныхъ шахматныхъ фигуръ, а позднѣе для него было высшимъ удовольствіемъ, ежедневно послѣ моихъ школьныхъ занятій, посвящать меня постепенно въ тайны этой игры. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, я могъ уже противустоять ему и до сихъ поръ съ восторгомъ вспоминаю тотъ день, въ который, послѣ продолжительной и упорной борьбы, въ первый разъ поставилъ дѣдушкѣ матъ. Безъ сомнѣнія, эта первая побѣда сильно повліяла на мое самолюбіе, а дѣда вызвала на серьез-

ныя размышленія. Однако, онъ охотно продолжалъ играть со мною и свои частые проигрыши относилъ къ какимъ либо постороннимъ вліяніямъ, къ своей старости и т. п.

Однажды вечеромъ, это было 1-го Іюля 1850 г., дѣдушка проигралъ, одну за другою, нѣсколько партій. Одушевленный счастливымъ шахматнымъ настроеніемъ, я легко и скоро разрѣшалъ тогда, представлявшіеся мнѣ, труднѣйшіе вопросы игры. Каждый любитель-шахматистъ, по собственному опыту, знаетъ, что иногда бываютъ моменты, въ которые съ необыкновенной прозорливостью разрѣшаются весьма сложныя и запутанныя комбинаціи, прежде казавшіяся неодолимыми. Послѣдняя игранная съ дѣдушкой партія представляла именно подобное положеніе. Оба мы продолжали еще анализъ удивительной запутанности ходовъ, рѣдко являющейся въ обыкновенной игрѣ, когда старикъ проворчалъ: «Молодякъ мой сталъ теперь дѣйствительно силенъ; однако, положеніе игры что то знакомо». Обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ: «Сегодня не первое-ли Іюля. Вѣдь у насъ теперь 1850 г.? Затѣмъ онъ произнесъ: «Да, это конечный срокъ для передачи талисмана и никому другому, какъ только тебѣ. Позволь обнять тебя, мой милый,

я въ восторгѣ, что ты будешь моимъ пріемникомъ и продолжателемъ: ты играешь теперь почти также хорошо, какъ тотъ черный».

«Ты хочешь сказать, дорогой дѣдушка, какъ дьяволъ?“ улыбаясь прервалъ я старика.

«Да, ты многое мнѣ такъ живо напоминаешь!.» Дѣдушка перекрестился и далъ знакъ поближе сѣсть къ нему на диванъ. Произнеся: „съ нами Богъ!», старикъ торжественно обратился ко мнѣ: «Ты хорошо знаешь, мой милый, что я не вѣрю ни во что сверхъ-естественное, чудесное, и съ дѣтства внушалъ тебѣ не пугаться призраковъ, но каждый разъ глубже вникать въ суть и смыслъ всего фантастичнаго, сказочнаго; вотъ почему хочу подѣлиться съ тобою странною исторіей, надѣясь, что ты не усумнишься въ ней и не отнесешь ее къ разряду вымысла. Добавлю, что при этомъ я былъ не одинъ: мой старый Иванъ (слуга дѣдушки въ продолженіи 30 лѣтъ) лично видѣлъ и слышалъ все происшедшее, а тогда мы оба были безстрашными парнями и, въ случаѣ надобности, могли одолѣть всякую чертовщину. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, однако память сохранила мнѣ всѣ подробности, будто это случилось вчера или сегодня. Слушай же внимательно.“

Взглянувъ на шахматную доску, гдѣ стоялъ еще конечный моментъ нашей послѣдней партіи, послѣ минутной паузы, внезапно возвысивъ голосъ, старикъ воскликнулъ: «Дѣйствительно, этотъ далеко впередъ разчитанный матъ конемъ ни на волосъ не отличается отъ того, 30 лѣтъ назадъ, дьявольскаго мата! Если бы ты былъ старше, то я въ самомъ дѣлѣ могъ подумать, что ты и есть тотъ загадочный незнакомецъ, который хотя въ другомъ образѣ, явился тогда ко мнѣ.» Сказавъ это, дѣдушка уже покойнѣе продолжалъ: «Въ послѣднихъ числахъ Іюня 1820 г., въ кружкѣ нѣкоторыхъ друзей, мы играли вечеромъ въ вистъ. Былъ канунъ Воробьиной ночи; начались шутки и, по народному обычаю, время летѣло въ разсказахъ и вымыслахъ о преисподней. Погода стояла бурная, сильный дождь хлесталъ въ окна. Я приказалъ заложить лошадь, чтобы доставить гостей по домамъ и, разставшись съ ними, ровно въ 12 часовъ прошелъ черезъ переднюю въ спальню. Рачительно заперевъ за собою дверь и раздѣвшись, я спокойно улегся въ постель и думалъ только о томъ, чтобы заснуть. Но сонъ какъ-бы бѣжалъ отъ меня; я почувствовалъ въ головѣ тяжесть, мысли мои безсвязно, отрывчато перебѣгали отъ

одного къ другому изъ только-что слышанныхъ мною разсказовъ моихъ гостей. Безпрерывные порывы вѣтра и шумъ свирѣпствовавшей бури еще болѣе усиливали мое мрачное настроеніе, и я, нуждаясь въ покоѣ, не находилъ его. Вдругъ мнѣ показалось будто во дворъ кто-то въѣхалъ. Затѣмъ, я отчетливо услыхалъ звонокъ, протянутый отъ воротъ. Мой кучеръ не могъ причинить такого шума; да и я хорошо зналъ звукъ моего тяжелаго экипажа. Сгорая отъ любопытства, я быстро вскочилъ съ постели и бросившись къ окну, подумалъ: «кто бы могъ пожелать видѣться со мною такъ поздно и въ такую ужасную погоду?» Не замѣчая ни лошади ни экипажа, я заключилъ, что введенъ въ заблужденіе порывами бури. Лишившись сна, я зажегъ свѣчку и сѣлъ за шахматную доску, съ цѣлью успокоить встревоженное состояніе духа, отдавшись анализу нѣкоторыхъ шахматныхъ варіантовъ. Мнѣ подвернулась подъ руки маленькая карманная книженка составителя задачъ, покойнаго Мендгейма, та, что лежитъ вонъ тамъ, наверху, по лѣвую руку; достань мнѣ ее». Когда книжечка была подана, старикъ разставилъ на доскѣ слѣдующую комбинацію: бѣлые—Кр. h1, Фf6, Лg4, Лh6, Cd2, Ce6, Ke4, Kh4, g5, h7;

черные—Кр. h3, Ла5. Лb1, Сb4, Kd1, Kg1, l
c4, d3, e2, g6, h2; *задача:* пѣшка h2 остает
неуязвимою; на томъ же полѣ ставится ма
въ 8 ходовъ.

Затѣмъ дѣдушка продолжалъ: „Ты видиш
мой милый, что предложенiе Мендгейма к
жется невозможнымъ. Главное затрудненiе
томъ, что задача выражена не вполнѣ точн
назначенiе поля для мата отнесено къ фигур
а не къ королю, какъ бы слѣдовало по пр
нятому теперь правилу; притомъ приходит
имѣть въ виду и правило: превращенiе пѣш
въ фигуру. Но не будемъ останавливаться
этомъ; пока еще не поздно, я хочу кончи
мой разсказъ. И такъ, 30 лѣтъ назадъ, въ э
злополучную ночь, я разставилъ задачу и бы
погруженъ въ отыскиванiе ея рѣшенiя; пос
продолжительныхъ и тщетныхъ усилiй, разсе
женный, я произнесъ: «Это можетъ рѣши
только дьяволъ!» Едва я хотѣлъ прибѣгну
къ помощи книжки Мендгейма, какъ въ с
сѣдней комнатѣ раздался незнакомый голос
„Ты желаешь моего содѣйствiя?...“ Вслѣдъ
тѣмъ отворилась дверь и появилась темна
высокаго роста, фигура съ лицомъ и рука
черными какъ уголь, во лбу—два больши
рога. Безъ сомнѣнiя, это былъ самъ предст

итель ада, въ томъ образѣ, въ какомъ рисуетъ его воображеніе народа. Невольно я вскрикнулъ: «Кто ты, что тебѣ нужно?" Въ страхѣ я еще громче звалъ Ивана, хватаясь за снуръ сонетки.

—„Къ чему тревога? Я не воръ, не разбойникъ, а такой же, какъ ты, любитель-шахматистъ и за шахматною доской могу провести съ тобою ночь. Прежде всего, успокойся и слушай. Пришелъ я издалека, гдѣ солнце жжетъ подобно аду; ты видишь, мой образъ схожъ съ углемъ; словомъ—я изъ Африки. До этой отдаленной страны, гдѣ я считаюсь сильнѣйшимъ шахматнымъ игрокомъ, въ послѣднее время долетѣлъ слухъ о твоихъ замѣчательныхъ познаніяхъ въ шахматахъ. Горю желаніемъ сразиться съ тобою и обоюдно установить, которая изъ двухъ частей свѣта сильнѣе. Дозволь разбудить твоего Ивана: пусть онъ будетъ свидѣтелемъ нашей борьбы."

Едва произнесены были эти слова, какъ бы по колдовству или командѣ, показался на порогѣ молчаливый Иванъ, онъ помѣстился лѣвѣе таинственнаго незнакомца, занявшаго мѣсто противъ меня. Только теперь я отважился спросить:

„Человѣкъ ты, или сынъ ада? Какъ ты проникъ сюда?“

— „Мною уже сказано, кто я и зачѣмъ пришелъ сюда, проникъ же—черезъ отворенную дверь.“

Впослѣдствіи Иванъ увѣрялъ меня, что дверь была заперта, но что, вѣроятно, какъ и подобаетъ дьяволу, незнакомецъ пролѣзъ черезъ замочную скважину. Польщенный предложеніемъ загадочнаго посѣтителя, я не сталъ болѣе любопытствовать о томъ, откуда и какъ онъ появился. Я принялъ его за странствующаго рыцаря-шахматиста, пожелавшаго со мною помѣриться, и не смотря на его ужасный образъ, неуклонно рѣшился принять предложеніе.

— „Знайже,“ торжественно сказалъ незнакомецъ: „я сильнѣйшій шахматный игрокъ міра и хочу сыграть съ тобою три партіи. Если ты выиграешь изъ нихъ хоть одну, признаю тебя побѣдителемъ; тогда среди людей не будетъ игрока равнаго тебѣ; но если ты проиграешь всѣ партіи, то долженъ отказаться отъ шахматной игры въ продолженіе трехъ лѣтъ, а также дорожа жизнью, обязуешься въ теченіе 30 лѣтъ не проронить ни слова о настоящемъ фактѣ.“

Подстрекаемый любопытствомъ узнать какъ могутъ играть въ аду, я принялъ эти условія, показавшіяся мнѣ легко выполнимыми. „Какое же ты дашь ручательство, что, выигравъ у тебя одну партію, я сдѣлаюсь непобѣдимымъ?»

— „Ты получишь талисманъ доставшійся мнѣ изъ рукъ индійскаго брамина, къ которому онъ перешелъ по прямой линіи отъ изобрѣтателя шахматной игры, а въ настоящее время принадлежитъ мнѣ".

При этомъ незнакомецъ показалъ бриліантовый перстень.

Усѣвшись передъ доскою, онъ продолжалъ: —„Но прежде я разъясню, представлявшееся для тебя не возможнымъ, рѣшеніе задачи Мендгейма. Съ нимъ я знакомъ давно, нѣсколько разъ мы вмѣстѣ составляли и разрѣшали нѣкоторыя трудныя комбинаціи; помню отчетливо, что эту самую задачу я предложилъ ему 7 лѣтъ тому назадъ и тоже въ бурную Воробьиную ночь. Смотри!" Совершенно свободно африканецъ сдѣлалъ слѣдующіе ходы:

1. Фf6—f1+ e2 : f1.

пѣшка эта должна быть ферезью; только при этомъ король черныхъ м. б. заматованъ.

2. Лg4—g1+ Фf1—f5.

3. Кh4—g2+ Кр. h3—g4.

4. Кg2—e1+ h2 : g1.

Неуязвимая пѣшка должна превратиться въ коня; въ этомъ то собственно и заключается тайна. Такимъ рѣшеніемъ бросается яблоко раздора ряду ученыхъ шахматистовъ. Многіе изъ нихъ скажутъ, что въ данномъ случаѣ метаморфоза пѣшки незаконна, тѣмъ болѣе, что и послѣ превращенія ея въ фигуру, она остается неуязвимою; другіе, напротивъ, совершенно отвергнутъ превращеніе пѣшки. Во всякомъ случаѣ, оставимъ рѣшить этотъ споръ позднѣйшимъ шахматистамъ-изслѣдователямъ. Ты видишь теперь, что окончаніе задачи легко и не задумаешься довести ее до конца“.

Задѣтый злостнымъ открытіемъ, я безъ затрудненія продолжалъ на доскѣ:

5. Лh6—h4 Кр. g4 : h4.

6. h7—h8Ф+ Кр. h4—g4.

7. Кe4—f6+ Кр. g4—g3.

8. Фh8—h2‡

Едва успѣлъ я взглянуть на получившійся матъ, какъ незнакомецъ уже разставлялъ фигуры для нашего состязанія. Съ удовольствіемъ замѣтилъ я, что противникъ избралъ для себя черныя. Всегда я предпочиталъ игру бѣлыми: съ ними разсчитывалъ легче достигнуть выигрыша, такъ какъ мнѣ принадлежалъ первый ходъ. Безъ всякаго страха, я началъ любимый мой гамбитъ коня:

1.	e2—e4	e7—e5.
2.	f2—f4	e5 : f4.
3.	Kg1—f3	g7—g5.
4.	Cf1—c4	Cf8—g7.
5.	0—0	h7—h6.
6.	d2—d4	d7—d6.

Не скрою, что послѣ этихъ ходовъ, быстро исполненныхъ, я нѣсколько взволновался. Противникъ мой, хорошо знавшій теорію игры, при строго правильномъ продолженіи защиты противъ гамбита коня, шелъ къ проигрышу. Любопытно было знать, какъ онъ сходитъ теперь, когда изъ широкаго ручья книжной теоріи мы вышли въ открытое море практики;

меня интересовалъ выборъ его изъ большаго числа продолженій на ходъ:

7. c2—c3.

Къ удивленію, африканецъ остановился на мало знакомомъ и, какъ извѣстно, мало разработанномъ теоріею способѣ:

7. . . . Кb8—c6.
8. Фd1—b3. Фd8—e7.
9. h2—h4.

Теперь я до нельзя навострилъ вниманіе, интересуясь дальнѣйшимъ развитіемъ игры и сознавая невозможность улучшенія партіи черныхъ. Мнѣ казалось, что ферзевой слонъ, прикрывая поле b7, былъ прикованъ къ мѣсту, прочія же фигуры также оставались безъ дѣйствія. Игра черныхъ представлялась совершенно парализованною.

— „Однако, дѣдушка, прервалъ я, онъ свободно могъ двинуть пѣшку g5—g4 и тѣмъ перейти въ наступленіе.“

— „Пожалуй это и такъ, мой милый; но развѣ ты не замѣчаешь, что за этимъ ходомъ я еще болѣе могъ развить свою игру и кромѣ того, вернуть потерянную гамбитную пѣшку, напримѣръ:

(9. . . . g5—g4.

10. Kf3—e1. Kc6 : d4.

11. Фb3—d1 и при хорошей игрѣ взять

12. Cc1 : f4.)

— „Вѣрно, но какъ же сходилъ твой противникъ?“

— „Совершенно просто и, какъ кажется, даже неправильно: 9. . . Kg8—f6.

Однако ходъ этотъ доставилъ чернымъ побѣду. При движенiи 10. Лf1—e1 или Kb1—d2, ходы чернаго g5—g4 и послѣдующiй Kf6—h5 составляли безусловно сильную угрозу. Теперь мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ:

10. h4 : g5. h6 : g5.

11. Kf3 : g5. Kf6 : e4.

Въ этомъ положенiи я не упускалъ изъ виду позицiи короля съ ферезью и думалъ о выгодѣ 12. Tf1—e1.

Совершенно хладнокровно, черный подставилъ ладью: Лh8—h1+.“

— „А! Теперь понимаю! Объясни мнѣ, добрый дѣдушка, почему не бралъ ты прямо коня или, пользуясь двойною защитой, не взялъ пѣшку f7 (королевскимъ слономъ.)“

— „Еслибъ я взялъ пѣшку f7, то король черныхъ отошелъ бы и лучше обезпечился бы, тогда какъ нахожденіе его на одной линіи съ ферезью, я считалъ для себя выгоднымъ, а потому и поспѣшилъ двинуть 12. Tf1—e1. Если же я промѣнялъ бы коня 12. Kg5 : e4. Фe7—e4 и среднее поле d4 сдѣлалось бы очень опаснымъ а при случаѣ противникъ могъ бы угрожать Фe4—g7.

— „Правда. Но развѣ ты немогъ дѣдушка, отвести назадъ коня 12. Kg5—f3 и тѣмъ непосредственно укрѣпить свой центръ?“

— „Объ этомъ я думалъ достаточно. Въ результатѣ могъ послѣдовать рядъ роковыхъ пожертвованій Kc6 : d4, 13. c3 : d4. Cg7—d4+ 14. Kf3 : d4, Фe7—h4, а тогда, гдѣ же средство для устраненія проигрыша бѣлыхъ?“

— „Весьма хорошо разсчитанная комбинація! Дѣйствительно, у тебя не оставалось спасительной мѣры?“

— „Все вышло иначе, мой милый; искусство чернаго глубже понимало положеніе. Смотри далѣе:

13.	Кр. g1 : h1	Ke4—f2+
14.	Кр. h1—h2	Фe7 : e1.

— «Позволь, дѣдушка, не лучше ли было бы двинуть короля опять на g1: игра болѣе обезпечивалась бы при закрытіи слономъ въ f1?

— «Быть можетъ ты и правъ; въ этомъ-то и скрывалось *настоящее дьявольское наважденіе,* которое сманило меня къ ходу Кр. h1—h2, казавшемуся наивыгоднѣйшимъ. Когда нибудь мы обсудимъ это положеніе, а еще лучше проанализируй его самъ и при слѣдующемъ нашемъ свиданіи подѣлись со мною результатами твоего изысканія. Въ игранной же 30 лѣтъ тому назадъ партіи послѣдовало:

15. Сс1 : f4. Сс8—f5.

Искусный ходъ черныхъ неотразимо рѣшающій партію бѣлыхъ! Если бы вмѣсто взятія пѣшки f4 15. Сс4 : f7+, Кр. е8—е7. Если же я бралъ бы *теперь* 16. Сс4 : f7, то движеніемъ Кр. е8—d7, ферзовой ладьѣ облегчался скорѣйшій выходъ. Не оставалось ничего лучшаго какъ:

16. Фb3 : b7.

Черезъ 7 послѣдовавшихъ ходовъ онъ выигралъ у меня ферезь и, при полномъ спокойствіи, заявилъ о предстоявшемъ мнѣ матѣ. Легко представить, какъ я былъ заинтересо-

ванъ видѣть образецъ окончанія партіи дьяволомъ. Вскорѣ я убѣдился, что послѣднія слова моего противника справедливы. Вѣроятно, проницательные любители-шахматисты, при данномъ положеніи, давно уже согласились съ этимъ.

Я сдѣлалъ слѣдующіе окончательные ходы:

16.		Kf2—g4+
17.	Кр. h2—h3	Фe1—h1+
18.	Кр. h3—g3	Фh1—h2+
19.	Кр g3—f3	Cf5—e4+
20.	Кр. f3 : e4	Фh2—g2+

(При ходѣ 20. Кр. f3—e2, матъ послѣдовалъ бы черезъ 5 ходовъ.)

21.	Кр. e4- 13.	Kc6—e5+
22.	d4 : e5.	Фg2 : b7

и, съ несомнѣннымъ превосходствомъ игры, черные уничтожили ферезь.

Затѣмъ послѣдовала вторая партія. Противникъ мой употребилъ гамбитъ, еще не появлявшійся въ то время въ практикѣ, но спустя нѣсколько лѣтъ (между 1824—28 гг.) примѣненный въ турнирѣ, происходившемъ по перепискѣ между шахматными обществами Лондона

и Эдинбурга. Въ настоящее время этотъ гамбитъ, *шотландскій*, принятъ уже нѣкоторыми просвѣщенными любителями-шахматистами, но еще не вошелъ во всеобщее употребленіе. Однако, ни въ практикѣ игры, ни въ теоріи не находится ученія съ такимъ богатствомъ аттаки, какая развивается въ шотландскомъ гамбитѣ. Во всякомъ случаѣ дебютъ этотъ вошелъ ранѣе въ моду подъ палящимъ солнцемъ Африки, чѣмъ у насъ, и вѣроятно употребленъ былъ тогда въ Европѣ моимъ противникомъ въ первый разъ.“

Разсуждая такъ дѣдушка сдѣлалъ ходы:

	черные.	бѣлые.
1.	e7—e5.	e2—e4.
2.	Kg8—f6	Kb1—c3.
3.	d7—d5	e4 : d5.
4.	Cf8—c5	Kg1—f3.

—„Теперь играютъ обыкновенно 4. Cf1—c4; но мнѣ приходилось самому рѣшить что лучше. Я продолжалъ:

5.	0—0	Kf3 : e5.

Черный фрапировалъ меня въ самомъ началѣ; я не видѣлъ основанія почему бы мнѣ не брать и второй подставленной пѣшки.

6. Лf8 : e8. d2—d4.

7. Cc5 : d4 Фd1 : d4.

8. Kb8—c6.

Безъ сомнѣнія, это былъ удивительный, дьявольскій ходъ: при всей глубинѣ расчета, онъ не приходилъ мнѣ въ голову.

Ты видишь, я не смѣю бить ферзеваго коня ни пригвожденнымъ къ мѣсту конемъ, ни пѣшкою d5, иначе теряю ферезь (8. . . d5 : c6. Фd8 : d4). По меньшей мѣрѣ, я принужденъ отодвинуть мою ферезь, чѣмъ окончательно уступаю чернымъ темпо.

8 . . . Фd4—d1.

9. Kc6 : e5. C1—e2.

10. K6—g4. h2—h3.

—„На твоемъ мѣстѣ дѣдушка, я не сдѣлалъ бы этого; слѣдовало рокировать 0—0."

—„Ты правъ, мой милый; но желалъ бы знать, что могъ сдѣлать конь, не имѣющій никакой угрозы?"

—„Предвидя это, дьяволъ, вѣроятно и поставилъ тебѣ такую ловушку."

—„Весьма возможно. Но слѣди за дальнѣйшимъ продолженіемъ; надѣюсь, это и разъяснится. Да, разрѣшеніе близко."

11. Фd8—h4. g2—g3.

—„Теперь, дорогой дѣдушка, я тоже рокировалъ бы; ты, вѣроятно, разсчитывалъ на выигрышъ фигуры?“

—„Совершенно правильно; но главная ошибка въ томъ, что до сихъ поръ я еще считалъ свою партію не плохою.

12. Фh4—h5. Сc1 f4.

Замѣтивъ, что не могу взять коня, мнѣ хотѣлось удалить со средины доски угрозу другого коня.

—„Въ то же время ты проглядѣлъ, что можешь получить шагъ конемъ на f3 : вѣдь слонъ e2, составляя закрытіе, не могъ брать!“

—„Вполнѣ вѣрно, мой милый; причина всему—адское вліяніе противника: иногда пустой, односторонній планъ заблуждаетъ и ослѣпляетъ. Вслѣдъ за послѣднимъ ходомъ, мой соперникъ хладнокровно заявилъ, что поставитъ мнѣ матъ въ 4 хода, что и выполнилъ:

13. Кe5—f3+ Кр. e1—f1.

14. Кg4—h2+ Лh1 : h2.

15. Фh5—h3+ Лh2 : h3.

16. Сc8—h3 ╪

Затѣмъ, быстро разставивъ фигуры для нашего 3-го боя, африканецъ любезно обратился ко мнѣ: „Теперь мы начнемъ послѣднюю партію. Если ты не будешь смущаться и развлекаться, а употребишь всю силу твоихъ знаній, то навѣрное игра окажется лучшею.“

Эта любезность хотя и тронула меня, но въ то же время сильно смутила: мои сокровенныя мысли были угаданы!... Началась длинная ожесточенная борьба. Первый ходъ принадлежалъ мнѣ, и я избралъ *giuoco piano* или итальянскій дебютъ (1. e2—e4, e7—e5; 2. Kg1—f3 Kb8—c6; 3. Cf1—c4, Cf8—c5).

Было сдѣлано много ходовъ. Странно! на сколько я могъ удержать въ памяти всѣ подробности двухъ предшествовавшихъ партій, до сихъ поръ, не смотря на черезмѣрныя старанія, не припомню сложныхъ ходовъ этой послѣдней. Одно лишь твердо запечатлѣлось въ моей памяти: характерное окончаніе, чудовищный исходъ игры, еще долго остававшійся на доскѣ послѣ того, какъ таинственный мой побѣдитель оставилъ меня. Ты знаешь, я былъ постояннымъ приверженцемъ Филидора, всегда уважалъ его теорію движенія пѣшекъ. Остерегаясь отдавать фигуры и постепенно выдвигая впередъ пѣшки, я старался усилить

тѣмъ мою игру. Африканецъ, напротивъ, безпощадно обращался со своими пѣшками, разбрасывая ихъ по доскѣ; однако, кое-гдѣ ему удалось пробить ими брешь въ моей игрѣ. Вышло такъ, что, изъ безопасной позиціи, король мой былъ загнанъ въ непріятельскій лагерь; вблизи короля я сосредоточилъ пѣшки и, въ благопріятную минуту, предполагалъ перейти ими въ рѣшительное наступленіе. Послѣ свыше 60 ходовъ, какъ помню, партія приняла такой оборотъ: черныя Лf8, Kd7, Кр. f7, Сс6, Лf6, Kh6, Ch4, Фd1; бѣлыя Кр. h7, d6, Ке5, Cf6, c4, Cd4, e4, g4, Фe3, f3. h3.

Не смотря на потерю ладей я признавалъ свое положеніе рѣшительно выгоднымъ. Кромѣ того, по тщательномъ обсужденіи, я придумалъ ходъ, котораго мой противникъ, какъ мнѣ казалось, будь онъ хоть самъ дьяволъ съ его отличительной проницательностью, не могъ предвидѣть.

— «Вѣроятно, дѣдушка, ты думалъ слономъ взять ладью (Cd4 : f6)?»

—„Не горячись, юноша! Этотъ ходъ я также обдумывалъ, но окончательно отказался отъ него, п. ч., послѣ обмѣна, бездѣятельная ферезь черныхъ пріобрѣтала сильную атаку.

Нѣтъ, ходъ мой состоялъ изъ движенія пѣшки: 1. g4—g5.“

—„А, теперь понимаю: если онъ возьметъ твоего слона конемъ (Kh6 : f5), то ты берешь пѣшкою (2. e4 : f5) и открываешь своей ферези рѣшительную линію *e*, а затѣмъ, ходомъ g5—g6, достигаешь благопріятнаго окончанія.“

—„Совершенно вѣрно; другого пути къ проигрышу черныхъ я и не видѣлъ. Послѣ моего хода, противникъ видимо задумался и началъ разсчитывать. Я уже торжествовалъ, какъ вдругъ, можешь представить мое удивленіе, услышалъ произнесенное спокойнымъ мягкимъ голосомъ:

—„Такимъ образомъ, не болѣе какъ въ 22 хода, я ставлю матъ!“ Озадаченный этимъ, я невольно воскликнулъ: „Не можетъ быть! Ты ошибаешься или шутишь! Ты трогаешь моего слона и долженъ его брать: *тронуто-хожено*, говорятъ у насъ . . . Еще посмотримъ, какъ самъ ты уйдешь отъ мата!“ На это африканецъ отвѣчалъ столь пронзительнымъ смѣхомъ что, какъ мнѣ показалось, отъ него и стѣны содрогнулись. Я почувствовалъ невольный страхъ; крѣпко державшійся на своемъ посту Иванъ вдругъ отодвинулся назадъ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что у него, при смѣ-

хѣ дьявола, сдѣлалась дрожь. Между тѣмъ противникъ мой уже сдѣлалъ обязательный ходъ:

1 . . . Kh6 : f5.

Я отвѣтилъ:

2e4 : f5.

но, увы, ходъ этотъ не доставилъ мнѣ побѣды. Постепенно ходъ за ходомъ завѣса спадала съ моихъ глазъ; яснѣе и яснѣе постигалъ я противупоставленную мнѣ прекрасно разсчитанную комбинацію африканца. Онъ отдалъ обѣ свои ладьи, затѣмъ взялъ моего коня и послѣдовательно обмѣнялъ всѣ фигуры.

2	Лf8—h8+
3. Кр. h7 : h8.	Лf6—h6+
4. g5 : h6	Сс6 : d5
5. c4 : d5.	Фd1 : d4+
6. Фе3 : d4.	Ch4—f6+
7. Фd4 : f6+	Kd7 : f6.

У него остался одинъ конь противъ моихъ пѣшекъ, которыя теперь были разъединены и сдвоены. Помѣстить моего короля въ уголъ и разорвать связь пѣшекъ составляло его

планъ. Не оставалось ничего, какъ только подвигать пѣшки на добычу коня. Крѣпясь сколь возможно далѣе, я изыскивалъ случай уйти королемъ изъ угла (12 ходъ), но черный преградилъ дорогу, выдвинувъ своего короля на встрѣчу (противупоставленіе, opposition), снова заперъ меня и продолжалъ заманивать мои пѣшки:

8. h3—h4. Кр. f7—f8.

9. h4—h5. Кр. f8—f7.

10. f3—f4. Кр.f7—f8.

11. d6—d7. Kf6 : d7.

12. Кр. h8—h7. Кр. f8—f7.

13. Кр. h7—h8. Kd7—f6.

Теперь я увидѣлъ окончательную погибель и вполнѣ, хотя, къ сожалѣнію поздно, уяснилъ себѣ дьявольскій планъ. Будто въ летаргіи, механически подвигалъ я пѣшки, но не терялъ еще надежды оттянуть игру и не допустить постановки мата въ 22 хода. Я разсчитывалъ хотя этимъ поддѣть противника; однако вскорѣ и послѣдняя надежда исчезла. Адская комбинація, приняла ясно-очерченную форму. Мой соперникъ былъ не человѣкъ, а потому, на этотъ разъ и извѣстный любитель-шахматистъ

должен былъ проиграть. Несмотря на всѣ мои усилія, черезъ 22 хода игра кончилась:

14. d5—d6. Кр. f7—f8.

15. d6—d7. Kf6 : d7.

16. Кр. f8—h7. Кр. f8—f7.

17. f5—f6. Kd7 : f6+.

18. Кр. h7—h8. Кр. f7—f8.

19. f4—f5. Кр f8—f7.

20. h6—h7. Kf6—g4.

21. h5—h6. Kg4—e5.

22. f5—f6. Ke5—g6 ‡

Пока состоялся матъ, я былъ доведенъ до совершеннаго изнеможенія, безсмысленно смотрѣлъ на доску и не давалъ себѣ ни въ чемъ отчета; наконецъ африканецъ вывелъ меня изъ этого положенія, обратившись ко мнѣ мягкимъ и успокаивающимъ голосомъ: „Выслушай меня, мой любезный партнеръ! Какъ смертный, ты велъ эту партію весьма искусно. Со времени Филидора и итальянскихъ игроковъ, я еще не встрѣчалъ никого такъ храбро состязающихся. Это меня ободряетъ, усиливаетъ надежду, что, быть можетъ, скоро наступитъ конецъ моему

проклятію. Ты въ недоумѣніи? . . . .

Такъ знай же, триста лѣтъ назадъ, я, какъ человѣкъ, наслаждался жизнью, но мои, по истинѣ нечеловѣческія дѣла, довели меня до ужаснаго проклятія. Родомъ испанецъ, я былъ библіотекаремъ у одного очень богатого кастильянца и чрезвычайно любилъ шахматную игру; но страсть къ деньгамъ превозмогла эту любовь. Въ то время знатные испанцы имѣли обычай играть въ шахматы живыми фигурами. Для партіи черныхъ, приходилось покупать африканцевъ, при этомъ мнѣ удавалось обманывать моего господина на значительныя суммы и вскорѣ я задумалъ сдѣлаться самому продавцемъ негровъ. Разбогатѣвъ, я бѣжалъ, нанялъ судно и на немъ началъ разбойничать. Воруя черныхъ, я вырывалъ ихъ изъ семей безъ малѣйшаго состраданія и продавалъ по дорогой цѣнѣ. Пріобрѣтя собственное судно, я повелъ дѣла еще шире среди мирныхъ ставокъ африканскихъ народовъ. Мнѣ пришла тогда мысль, обучить эту среду игрѣ въ шахматы. Страсть къ ней, сверхъ ожиданія, развилась у черныхъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ, за маленькую красивую шахматную фигурку, отдавали любимую жену или ребенка. Позднѣе они, не задумываясь, играли на свою

личную свободу. Жадность къ наживѣ способствовала мнѣ до тонкостей изучить игру, а затѣмъ мое искусство поглотило много жертвъ. Въ послѣдній разбойничій набѣгъ, мнѣ пришлось однако выдержать трудную борьбу. Одинъ молодой африканецъ, отца котораго, послѣ выигрыша, я забралъ къ себѣ, поклялся отмстить за это. Напрактиковавшись въ игрѣ и изучивъ ее, онъ предложилъ мнѣ три партіи, причемъ, въ случаѣ проигрыша, соглашался отдать свою свободу. Увѣренный въ себѣ, я принялъ это предложеніе и даже обѣщалъ, что сочту себя побѣжденнымъ, если проиграю хотя одну партію. Какъ ни трудно было, однако мнѣ удалось выиграть, но . . . въ замыслѣ противника скрывалось лукавство. Едва я сдѣлалъ послѣдній матъ и хотѣлъ уже передать своего партнера слугамъ, какъ нѣсколько изъ его товарищей, до тѣхъ поръ скрывавшіеся вблизи, по данному сигналу, набросились на меня. Съ невѣроятными усиліями пришлось обороняться, пока не подоспѣла помощь, не смотря на которую, мнѣ нанесена смертельная рана. Безъ чувствъ, я былъ отнесенъ въ каюту; здѣсь, мучимый болью и угрызеніями совѣсти, я хотя и очнулся, но для того лишь, чтобы взглянуть въ

глаза неумолимой смерти. Съ послѣднимъ вздохомъ, я услыхалъ надъ собою страшное проклятіе. Съ той поры закрытъ для меня вѣчный міръ, и уже три тослѣтія какъ я блуждаю и отыскиваю шахматиста, который, при извѣстныхъ условіяхъ, выигралъ бы отъ меня хотя одну партію, и тѣмъ освободилъ меня отъ жестокой мести.

Вотъ почему, одинъ разъ въ годъ, подъ покровомъ ночи, когда вѣдьмы съ сатаною справляютъ на землѣ свой адскій праздникъ, мнѣ разрѣшено освѣдомляться о шахматномъ дѣлѣ въ Европѣ и только черезъ 30 лѣтъ, съ возрожденіемъ новаго поколѣнія, я имѣю право, для успокоенія духа, играть въ настоящемъ образѣ съ однимъ изъ сильнѣйшихъ игроковъ. Давно блуждаю въ поискахъ за моимъ избавителемъ; боролся съ Понціани и Филидоромъ, лучшими мастерами, до сихъ поръ мною встрѣченными; но они уступили силѣ пониманія мною комбинацій и вѣковой моей практикѣ. Большую часть времени я провожу въ обдумываніи и анализѣ новыхъ и труднѣйшихъ шахматныхъ движеній. Углубляясь въ мысли о шахматахъ, я нѣсколько забываюсь и успокаиваюсь отъ жгучихъ адскихъ мученій и терзаній совѣсти. Чтобы не усиливаться въ

практической игрѣ, я приступилъ къ составленію шахматныхъ задачъ, влеченіе къ которымъ развили во мнѣ Стамма и преимущественно Мендгеймъ; но, вмѣсто ослабленія, этимъ путемъ я еще болѣе укрѣпился, потому что въ нѣкоторыхъ положеніяхъ игры, особенно въ окончаніяхъ, анализъ и обдумываніе задачъ даютъ дѣйствительную помощь. Вотъ тебѣ ключъ для объясненія моего быстраго соображенія при окончаніи нашей партіи. Дѣйствительно, ты велъ игру мастерски, и если твои потомки пойдутъ по тому же пути въ усовершенствованіи, то питаю надежду на свое освобожденіе, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время въ Европѣ начали серьезно углубляться въ разработку дебютовъ. Но кто поручится, что если когда нибудь и явится геніальный мастеръ игры, то не будетъ-ли онъ метеоромъ; быть можетъ также, что появленіе его состоится во время моей 30 лѣтней паузы.“

(Сознаюсь, при этомъ я вспомнилъ о Ла-Бурдонэ и Макдонели: которые защищали свои положеніи въ 30 годахъ настоящаго столѣтія и которымъ понынѣ удивляются всѣ классики нашей игры.) „Ты можешь оказать безсмертную услугу душѣ мученика, жаждущей покоя; для этого требуется возбудить и развить ин-

535 535 535 535 терес'ъ къ шахматной игрѣ. Можетъ случиться, что кому либо изъ твоихъ потомковъ суждено быть великимъ мастеромъ и избавить меня отъ мученій. Поэтому я вижу въ тебѣ моего ангела избавителя и уже заранѣе благодарю. Ты наслаждаешься игрою какъ истинный мастеръ, любишь ее за чистоту, отсутствіе въ ней корысти, и въ привязанности къ ней у тебя нѣтъ никакихъ другихъ мотивовъ. Только такой любитель можетъ побѣдить меня, нечистаго мыслями, обезчестившаго игру. Въ этомъ же кроется причина, что Филидоръ былъ невполнѣ подходящъ для моего избавленія. Понціани могъ бы стать моимъ освободителемъ, но въ мое послѣднее появленіе для борьбы съ нимъ, 1790 г., онъ уже былъ утомленъ старостью. Однако, онъ указалъ мнѣ на Филидора; черезъ Альпы и каналъ, изъ Италіи, я помчался въ Лондонъ, гдѣ настигъ французскаго шахматиста въ тотъ моментъ, когда онъ выходилъ изъ клуба, разсчитывая погасить всѣ расходы лондонской жизни послѣдними своими выигрышами. Злое предзнаменованіе! Затѣмъ мы сразились. Не смотря на искусство въ движеніи пѣшекъ, въ которомъ не имѣлъ соперника, Филидоръ проигралъ всѣ партіи.

Причина его проигрыша заключалась въ томъ, что онъ отнесся къ игрѣ не съ чистымъ намѣреніемъ, а видѣлъ въ ней средство къ выигрышу, которымъ надѣялся помочь своей семьѣ во Франціи. Это было заблужденіе, ставшее для насъ общимъ роковымъ препятствіемъ. Если бы въ настоящее время ты обладалъ силою Филидора, я убѣжденъ, ты былъ бы моимъ спасителемъ. Однако не теряю надежды, что постараешься сдѣлаться освободителемъ несчастной души, а потому, не находя ни кого болѣе достойнымъ, передаю тебѣ этотъ талисманъ, въ упованіи, что такъ долго лелѣянная мною мечта наконецъ осуществится. Съ этою надеждой, удаляюсь.“

При послѣднихъ словахъ незнакомца, я почувствовалъ въ рукѣ какъ бы обжогъ отъ раскаленнаго желѣза ; только-что говорившій со мною таинственный шахматный противникъ мгновенно исчезъ, занятое имъ передо мною мѣсто было теперь пусто, хотя ни въ одной комнатѣ двери не отворялись; бриліантовый перстень былъ у меня въ рукѣ. Погрузясь въ глубокую задумчивость, отклонился я на спинку кресла, полусознательно устремилъ взоръ на шахматную доску съ поставленнымъ на ней

матомъ и въ такомъ положенiи оставался до разсвѣта, когда шумъ проснувшейся дворни вывелъ меня изъ остолбененiя. Прежде всего я разбудилъ Ивана и отъ него услышалъ подтвержденiе всего происшедшаго ночью. До срока обязанный молчанiемъ, я свято сдержалъ обязательство, и не существуй этого кольца, я все-таки сохранилъ бы въ памяти видѣнный мною призракъ. Но слушай далѣе. Скоро пробьетъ мой часъ предстать передъ вѣчнымъ Судiею. Пожалуйста, не волнуйся! Этотъ неизмѣнный законъ природы никто не минуетъ, и счастливъ лишь тотъ, кто достигаетъ роковаго часа въ мiрѣ и спокойствiи. Возьми перстень, храни его, какъ мое завѣщанiе. Въ игрѣ постарайся перещеголять великаго Понцiани и да будетъ кольцо это для тебя талисманомъ-вдохновителемъ и руководителемъ твоего разума передъ вѣчной таинственностью неисчерпаемыхъ шахматныхъ комбинацiй. Теперь пора: уже полночь; тебѣ не далеко до дому. Прощай!“

Я удалился, и уже не суждено мнѣ была видѣть болѣе дѣдушку. На слѣдующее утро насъ разбудила вѣсть о скоропостижной смерти его въ эту ночь.

И часто сидѣлъ я надъ шахматною доской, задумчивый, молчаливый, взирая на перстень. Мнѣ муза все одно твердила:

„Сохрани твой талисманъ,
Въ немъ таинственная сила,
Онъ тебѣ любовью данъ“. . .

ЗАМѢЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

10.	первая	строка	сверху	вмѣсто	2. Лg4—g1+	должно быть	2. Лg4 : g1+.
—	четвертая	„	снизу	»	5. Лh6—h4	» »	5. Лh6—h4+.
20.	первая	»	сверху	»	6. Лf8 : e8	» »	6. Лf8—e8.
—	четырнадцатая		»	»	C1—e2	» »	Cf1—e2.
–	пятнадцатая	»	»	»	K6—g4	» »	Kf6 g4.
27.	пятая	„	»	»	16. Кр. f8—h7	» »	Кр. h8—h7.

Цѣна 20 коп.

